

Зачем Грузия готовится вводить новый конституционный закон страны?

Опубликовано 19.05.2010

Ирина Лагунина: Государственная конституционная комиссия Грузии приняла проект новой конституции страны. Если его утвердит и парламент, то все основные нынешние функции президента перейдут в руки премьер-министра, которого, в свою очередь, будет избирать парламентское большинство. Материалы радио Эхо Кавказа на эту тему подготовил Александр Касаткин.

Александр Касаткин: В оппозиционных и экспертных кругах Грузии уже начали говорить, что такой проект призван помочь Михаилу Саакашвили остаться у власти после окончания его президентского срока.

Подробности рассказывает тбилисский корреспондент радио Эхо Кавказа Олеся Вартамян.

Олеся Вартамян: 31 человек «за», 10 – «против» при двоих воздержавшихся – с таким результатом государственная комиссия утвердила проект будущей конституции страны. Этот документ в ближайшее время будет отправлен на рассмотрение в Европу, а затем станет обсуждаться грузинским парламентом.

Согласно проекту, фактическим главой страны становится премьер-министр. Он получает право определять внешнюю и внутреннюю политику страны.

За президентом же остаются некоторые из его сегодняшних номинальных функций. Он будет по-прежнему считаться главным военачальником и представителем Грузии за рубежом.

Но полномочия президента значительно сужаются, хотя бы за счет того, что ни один существенный документ, выпущенный президентом, не будет иметь силы, пока под ним свою подпись не поставит и премьер-министр.

Президент, как и сейчас, будет выбираться прямым путем населением страны. Премьер-министр же будет выбираться из парламентского большинства. Глава правительства и его министры будут подотчетны теперь только парламенту.

Говорит один из членов конституционной комиссии Гия Нодия.

Гия Нодия: Это смешанная модель, но с креном в сторону парламента, поскольку главным субъектом становится кабинет министров во главе с премьер-министром. Лично премьер-министр становится главным лицом в государстве. И состав кабинета министров определяется по результатам парламентских выборов.

Олеся Вартамян: Комиссия обсуждала несколько моделей будущего устройства Грузии. По некоторым из них рассматривалась возможность введения двухпалатного парламента, но от этой идеи отказались из-за проблем с территориальной целостностью.

Некоторые из вариантов отражали различные вариации устройства власти Соединенных Штатов. Например, предлагалось ввести в Грузии институт вице-президента или избирать парламентариев путем делегатов, а не прямым голосованием жителей страны.

Как говорят сами члены комиссии, утвержденный ими сегодня проект – «лучший из худших». Они надеются, что у них еще будет возможность много чего там поменять.

В частных беседах некоторые из них обращают внимание на один важный момент. Дело в том, что

принятая сегодня модель дает возможность Михаилу Саакашвили еще на несколько лет остаться у власти.

После окончания своего второго президентского срока Саакашвили может баллотироваться в парламент, а уже оттуда заполучить пост премьер-министра, то есть, по утвержденному сегодня проекту конституции, место фактического управленца страны.

Автор проекта и глава конституционной комиссии Автандил Деметрашвили говорит, что ни под какую конкретную личность они новую модель конституции не подгоняли.

Автандил Деметрашвили: Если победит партия и получит большинство, она имеет право назвать любого человека премьер-министром. В том числе и Национальное Движение это может сделать. Если партия Джонди Багатурия победит на выборах, она его, наверно, назовет премьер-министром. Я тут не вижу связи между персоной и проектом, который мы составили.

Олеся Вартамян: В правящей партии мнения по поводу утвержденного сегодня проекта конституции разделились. Некоторые из них во время голосования подняли руку за эту модель. Другие же сказали, что парламенту придется его детально пересмотреть, и выступили против. На рассмотрение в парламент этот проект конституции скорее всего отправится в начале осенней сессии.

Александр Касаткин: Круглый стол с экспертами на эту тему провел Андрей Бабицкий.

Андрей Бабицкий: У нас на связи из Москвы социолог Дмитрий Фурман и из Тбилиси- Тенгиз Пхаладзе, руководитель международного центра стратегических исследований. Тенгиз, действительно ли есть объективная необходимость в смене формулы власти или можно поверить оппозиции, что данное решение чистейший релятивизм и это первый шаг на пути к третьему сроку для нынешнего президента Грузии?

Тенгиз Пхаладзе: Изменения в конституции- это объективная реальность, и не только требование общественности. Но это подкреплено теми международными обязательствами, которые Грузия подписала несколько лет тому назад. В частности, увеличение роли парламента зафиксировано в соглашении, которое предусматривает сближение Грузии с Евросоюзом. Вчера утвердили не проект, а один из проектов, как базис, который будет обсуждаться. Он предусматривает должность президента как арбитра между парламентом и исполнительной властью. Но этот проект еще далек от законопроекта.

Андрей Бабицкий: Но все это не исключает и этой ситуации с президентом, который действительно сейчас находится в поисках какого-то нового руководящего поста в Грузии после окончания своих двух президентских сроков.

Тенгиз Пхаладзе: Я бы не спешил с такими выводами. Я не думаю, что это было бы платформой для создания легитимности третьего срока. Скорее всего, это на самом деле необходимо для развития демократизации в стране. Потому что президентская власть в стране не должна обладать такими широкими полномочиями, которыми она обладает сегодня. Обязательно нужно усилить роль парламента и создать как отдельное звено правительство. Премьер-министр должен быть более действующей фигурой.

Андрей Бабицкий: Дмитрий Ефимович, мы года два назад с вами обсуждали ситуацию в России. Вы тогда высказали один очень любопытный тезис. Вы посчитали, что отказ Владимира Путина от конституционных реформ, которые давали бы ему возможность остаться на третий срок или

пересесть из кресла в кресло, это создает некую базу для того, чтобы закон был уважаем в стране в будущем. Вы и сейчас думаете, что изменения закона имеют серьезные негативные последствия?

Дмитрий Фурман: Все зависит от ситуации. В нашем постсоветском пространстве конституции менялись довольно часто. Например, в Киргизии, она по-моему менялась десять раз. То есть принимались очень существенные поправки. Референдумы, как полагается. Но за этим стояло только одно- власть все равно оставалась персональной, сначала Акаева, потом Бакиева. И так как им как то надо было камуфлировать эту персональную власть, они все время искали какие-то средства для лучшего управления обществом и сохранения власти. Бесконечно в Таджикистане менялась конституция, всегда по одному и тому же принципу, чтобы как то усилить президентскую власть, продлить ее сроки. Такие частые изменения конституции были чаще всего порождением самой специфики наших имитационно-демократических режимов, когда есть персоналистская власть президента, и вот он всячески пытается ее легитимизировать при помощи разных конституционных устройств. Любое такое изменение сразу же, как и в Грузии, вызывает подозрение. Для чего это делается? Не делается ли это для того же, для чего изменялись эти конституции в других странах? Не делается ли это для продления власти Саакашвили? Мне очень трудно судить. Я просто не знаю современную грузинскую ситуацию. Я верю на слова грузинскому коллеге, что здесь нет такой цели Саакашвили. Но не важно, есть это или нет. Вполне возможно, что эти изменения очень нужны Грузии. Самое главное не это. Самое главное- это фактическое положение вещей, а не формально конституционное. Можно сохранять персоналистскую власть при самых разнообразных конституционных устройствах. И, наоборот, в рамках системы, на первый взгляд даже не очень демократической, может произойти ротация власти, и она выйдет на демократический путь развития. Как мы видели в истории новейшей Франции, которая была в начале с конституцией под де Голля. Дело не столько в конституции, сколько в том, может или нет в данной стране произойти легальная смена власти и прийти к власти оппозиция.

Андрей Бабицкий: Тенгиз, вы сказали, что конституционная реформа по той модели, которую мы обсуждаем, не создаст условий легитимности для нынешнего президента, если он вдруг захочет пересесть в новое кресло. Почему не создаст? Кто ему мешает стать руководителем правительства?

Тенгиз Пхаладзе: Я хочу уточнить. Я сказал, не это является причиной. Что касается самой сути конституции, я где то согласен с московским коллегой. Вопрос не только в том, что написано в законе, а как все это реализуется и насколько это отражает волю народа. Одна из самых демократичных конституций была сталинская конституция. Но какая была демократия в стране, всем это известно. Реально опять таки я хочу подчеркнуть, что необходимость конституционной реформы- это отражение прошлогодних событий в Грузии, того фона протеста, который проходил в течение нескольких месяцев. Страна нуждается в реформах.

Андрей Бабицкий: Это прекрасно. Я понимаю объективную необходимость эту суперпрезидентскую власть, которая наделена колоссальными полномочиями, полномочиями. Но почему у Михаила Саакашвили, как вы считаете, сегодня нет намерения таким образом действовать для того, чтобы продлить срок пребывания своей команды у руля государства?

Тенгиз Пхаладзе: Если мы говорим о команде, это другой вопрос. Если мы говорим о третьем сроке президента, это другой вопрос. Я не думаю, что Саакашвили пошел бы на то, чтобы какими-то косметическими методами реально изменил бы конституцию и добавил бы себе один срок. Что касается будет ли он выставлять преемника, и будет ли он добиваться удержания у власти своей

команды, это иной вопрос. Я думаю, что этого и стоит ожидать. Но, самое главное, чтобы конституция создавала бы конкурентную среду для борьбы оппозиции и сегодняшней власти. Я фактически исключаю тот вариант, чтобы Саакашвили пошел бы на то, чтобы косметическими изменениями реально превратился бы в долгосрочного диктатора.